

## Аура чаемой Россіи

Читавшіе послѣднюю, 11-ую, книжку «Новаго Града» узнают наше заглавіе: оно внушено статьями Бердяева и Степуна. Статьи («Аура коммунизма» и «Часмая Россія») различны по темѣ, размѣрам и стилю. Но в том, что в словесное их содержаніе прямо не входит и только ясно под ним ощущается, онѣ друг другу созвучны. Наличие элемента не досказаннаго (характерная, быть может, для всѣх вообще интересных высказываній) несомнѣнна в обѣих статьях. На шести страницах размышленій об «аурѣ» Бердяев убѣждает читателя, что источником зловѣщаго мерцанія вокруг коммунизма являются «этатизм, милитаризм, абсолютное государство — эманация Юанна Грознаго и властителей Имперіи», а на седьмой слѣдует вывод: «Психологическій климат русскаго коммунизма ставит вопрос духовный и моральный, а не политическій и социальный». Логически он с содержаніем статьи нисколько не связан и даже кажется неожиданным, а читателя все же нисколько не удивляет, как будто бы о политикѣ в статьѣ не было и рѣчи, и все говорилось о морали и духѣ. То же у Степуна. Он еще спрашивает, «чьими руками начнется в Россіи новое дѣло?» (может-быть, тѣми же Сталинскими?); в дѣлѣ «одухотворенія варварскаго активизма молодого коммунистическаго поколѣнія» он «всю надежду» возлагает на «идеократическій характер нашей диктатуры» и на «интеллигентскій лошиб комсомольца»; совѣтская жизнь, — как «созвучная христіанству, в высокой оцѣнкѣ физическаго труда, проповѣдь солидаризма» и пр. — для него «пригодная база перваго, гуманитарнаго, этажа Новаго Града», настолько пригодная, что вся задача пореволюціоннаго строительства сводится для него к тому, чтобы «эту рожденную в муках трудовую жизнь, повысив ея бытовой и хо-

зыйственный уровень, удержать как основу новой, соборно-христіанской культуры»... А рядом такое, полным особняком стоящее в статьѣ провидѣніе: «В нѣкую историческую секунду, послѣ паденія или сверженія большевицкой власти, соберутся вокруг не снесенных еще церковей мало друг другу извѣстные люди, сложат заново разваленныя ограды, водрузят кресты, и возникнет из тишины, постепенно захватывая своим вліяніем все, новая христіанская жизнь»... Не подчиняясь церкви, виѣ какой бы то ни было теократіи, в силу добровольно взятаго обязательства, государство будет заслушивать предпреждающій голос церкви, а в особенно важных случаях и подчиняться волѣ ея, выраженной через ея возглавленіе...

Читая эти строки, невольно спрашиваешь себя: что же, этими «мало извѣстными друг другу людьми», разыскивающими кресты и иконы, будут тѣ же вскормленные идеократической диктатурой, интеллигентскаго пошиба комсомольцы? Что же, это «русскіе мальчишки из большевиков», под давленіем жизни измѣнившіе марксистской доктринѣ, будут, в качествѣ новой россійской власти, с волненіем внимать голосу россійскаго патріарха? Не предполагает ли все это новых людей, родившихся в новом, духовном крещеніи? Но об этом в статьѣ ни слова. Вот в этом то не досказанном, в подразумеваемом (или надразумеваемом) планѣ, обѣ статьи созвучны. Именно им и оправданно наше сборное, у двух заимствованное заглавіе.

Чаемая Россія... Чайаніе, разумѣется, и не научное предвидѣніе, и не пророчество. Но оно и не «моральное предупрежденіе» только, как это хочет думать Степун: «вот что обрушивается на нас, если голос правды и совѣсти не будет услышан». Субъект чайанія — воля (не разум). Напрыгать волю, хотѣть — значит устремляться и звать других, значит вѣрить. Но как творить невозможно не вѣруя, так и воистину вѣрить нельзя, тѣм самым уже не творя. Не будет новой Россіи, пока русскіе в нее не увѣруют, а вѣра, родившаяся в них (в каждом из нас), есть уже обрѣтенная, ставшая близко новая Россія. Россія чаемая — не плод фантазіи, а Россія уже стоящая близко.

Если фактически она еще не близка, значит нѣтъ еще вѣры в нее, значит чаяніе ея не оформлено...

Так оно, на самом дѣлѣ, и есть: в чаяніях наших отсутствует главное — четкая направленность их и ясность. Просмотрим все, что посвящено грядущей Россіи и в «Новом Граде», и в «Современных Записках», и во всей вообще изгнаннической печати (в печать російскую никаким «чаяніям» вообще пока не проникнуть). Мы найдем, вездѣ почти, интересную разработку очень жизненных, важных тем — плановое хозяйство (в этом пунктѣ сходятся приблизительно всѣ), изъятіе земли (иногда, наоборот, неизъятіе) из товарнаго оборота, націоналізація (порой денационалізація) ключевых производств, великодержавный (чаще — федералистическій) строй, сильная политическая власть (с поправками или без поправок на «соціальное право»)... Но не будем удлиннять перечень. Дѣло не в полнотѣ его и даже не в опредѣленіи цѣнности, находящихся в нем прогнозов. Дѣло в том, что ни один из них, по совѣсти, никого из нас не окрыляет, не исполняет дѣйственной вѣры. Почему? В силу насильственной оторванности от практики? Конечно, и это. Но, во-первых, грань, раздѣляющая практику и теорію, не безусловная грань, а, кромѣ того, всѣ, кто участвовал в дореволюціонном освободительном движеніи, помнят, как и тогда почти исключена была практика, сколь безнадежным, в этом отношеніи, бывало и тогда положеніе, и все же наши программы и теоріи, вплоть до чисто уже академических проектов Россійской конституціи, во истину окрыляли и вдохновляли нас, через это одно становясь важным фактором жизни. Скажут — положеніе было яснѣе; твердо знали, что будет: что «приказному» строю настал конец, что самодержавіе доживает послѣдніе дни, земельный вопрос рѣшается в пользу крестьян и т. д. Ну, а теперь — развѣ не знаем мы, что вопроса о политической и хозяйственной реставраціи больше не существует, что управляемое хозяйство, корпоративность, плановость непременно войдут в пореволюціонную жизнь? Знаем, и с большим усердіем разрабатываем относящіеся сюда сюжеты. Ко-

личество посвященных им докладов, статей, сообщений растет. В дальнѣйшем потребуется, на этой почвѣ, еще болѣе самоотверженный труд больших и малых специалистов; в необходимости и пользѣ этого труда не может быть и тѣни сомнѣнія... Все это мы знаем, а рядом... полное отсутствіе увѣренности, что вот эта-то работа и есть самое главное, что выполнением ея-то мы и приобщаемся уже к созданію нашей Россіи.

Откуда же такая разница с прошлым? Я так отвѣчаю на этот вопрос. До революціи чаянія новой Россіи были по просту чаяніем реформ. Думали больше об обновленной, чѣм о новой Россіи. Реформы обновляли, а не мѣняли Россію: дореформенная и пореформенная, она оставалась одна. Потому и окрыляла борьба за реформы, что к реформам сводилось все, сводилось даже для крайних лѣвых, ибо и их центральным лозунгом оставалась реформа верховной власти («дой самодержавіе!»). Правда, в воздухѣ носились и иные призывы — призывы к «прыжкам», то в царство всемірнаго освободителя-пролетаріата, то в общинное, двуединой правды мужицкое царство: в малую мѣру своей актуальности призывы эти уже обезкрыливали чаяніе реформ. Однако, фактически всѣ они, до самаго Октября, цѣликом почти, через пресловутыя «программы максимум», уходили из міра политических чаяній в мір политической лирики, и на общей температурѣ реформаторскаго энтузіазма сколько-нибудь чувствительно не отражались. Раздавшійся сверху лозунг — «сначала успокоеніе, а послѣ реформы!» — был встрѣчен тогда единодушным протестом: «Нѣтъ, именно реформы прежде всего! упокоимся послѣ!»...

Нынѣ, нѣкогда отвергнутый, лозунг получает наконец, при слегка измененной формулировкѣ, свой жизненный смысл. Тогда народу говорили: «Успокойся, и получишь реформы». Это было нелѣпо, ибо в мудрых и смѣлых реформах заключался тогда единственный шанс «спокойствія». Теперь народ не говорит, а думает без слов, про себя: «Сначала успокоеніе, успокоеніе совѣсти, преж-

де всего, а там придут и реформы!»... Мудрая и правдивая дума, ибо мир в душѣ — единственный нынѣ надежный и вѣрный путь к какой угодно реформѣ...

Реформы уже производятся на Руси, и какія! Организована превосходная армія. Возстановлен в правах патриотизм. Нѣтъ лишенства. Готова четыреххвостка. Мужикам возвращают кусочками землю... Что же, мало? Сталин мѣшает? Коммунистическая головка? Пролетарская, большевицкая диктатура?.. — Головку срубили. «Пролетаріат» рѣшительно отступает на авансценѣ перед «профитеріатом». Большевики почти исключительно сохранились «безпартійные». Сталин не безсмертен: не нынче-завтра мѣсто «геніальнаго» займет «легендарный»... Или вот в газеты проникли слухи — объединительный Всероссійскій Православный Собор. Вѣроятно — вздорные слухи. Но, в концѣ концов, развѣ не все «там» возможно? Став «родным» для русскаго искусства, театра, науки, «родным» для русских матерей и дѣтей, почему бы не сдѣлаться Сталину «родным» и для русскаго православнаго христіанства? И чего же бы лучше: реформа давно желанная и насущная! Но вы представьте только себѣ это послѣднее поруганіе христіанина и человѣка!..

Нѣтъ, «климат» Россіи не подходит пока для реформ. Недаром и в наших программах реформ не намѣтилось реформы «центральной». Недаром и для реформ, творящихся «там», порядок их желанности опрокинут: чѣм менѣе значительна реформа, тѣм болѣе она приемлема; чѣм реформа крупнѣе, существеннѣе, тѣм болѣе она вызывает отгалкиванья. «Усадьбы крестьянам» — хорошо, слава Богу! «Новая конституція» — пожалуй, и Бог с ней! «Выборы Патриарха» — Господи, сохрани и помилуй!..

Именно эту тему, думается мнѣ, затронули в своих статьях Степун и Бердяев, к сожалѣнію, — только затронули. Очень кстати вспоминает там Бердяев о судьбѣ христіанства в IV в. Побѣдив языческую Имперію, но духовно ея не преодолев, церковь на три четверти осталась языческим царством: в порочной «аурѣ» его исказилась и увяла Христова правда. Еще показательнѣе коммунизм

наших дней. «Удѣльный вѣс коммунизма и христіанства различны», замѣчает осторожно Бердяев. Не «удѣльный вѣс» у них, а рѣшительно все различно: что бы ни говорили коммунистическіе поклонники «примитивнаго христіанства» и христіанскіе идеализаторы «настоящаго коммунизма», это цѣнности совершенно различной природы. Но вѣдь параллели с христіанством, сам по себѣ, коммунизм неплохая вещь — не хуже других, с ним смежных, одноприродных цѣнностей: либерализма, корпоратизма, социализма. Что же вышло из него в атмосферѣ озлобленія и безчестной лжи? Не братское общежитіе тружеников, а сумасшедшая, адова толчея!.. Взглянем правдѣ в лицо. Вполнѣ ли застрахован от сходной судьбы и наш «Новый Град»? Задуман он любовно. Осуществлен будет смѣло. Только в реформах ли центр? Не тѣм ли и обезкрылены мы с ними, что забыли за ними про главное? А главное: у Россіи вынималась душа; Россія лежала в мертвецком саванѣ, испускала уже запах тлѣна. Какой бы ей ни стать теперь — республиканской, монархической, идео- или демо-кратической, либеральной или коллективистической — она, прежде всего, должна очнуться, вернуть себѣ душу живую, откинуть саван и омыться от тлѣнія. Вот оно — забытое главное! Вот центральное чаяніе, разгоняющее «ауру»!..

Об «аурѣ» Бердяев пишет: — «милитаризм, этатизм, ...эманация абсолютнаго государства»... Начала, безспорно, присуція Россіи, и начала злыя. Но, вѣдь, живут они в Россіи вѣка (Бердяев сам вспоминает о Грозном), «аурѣ» же от роду всего девятнадцать лѣтъ! Значит, к старому злу Октябрь прибавил еще какое-то свое, от каковаго новаго зла и излучилась аура. Это новос, уже октябрьское зло и на старое зло наложило своеобразную печать новизны. На конкурсѣ безчеловѣчной жестокости неизвѣстно еще взялъ ли бы большевизм первый приз: может быть раздѣлил бы его с Салтычихой. Но на конкурсѣ в нѣчеловѣчія, поруганія образа человѣка, первый приз ему обезпечен: «показательные процессы», «Бѣломорскій

канал», тысячи дѣтей, умоляющих дорогого вождя «не падать крови измѣнников» — какой кокурент выдержит эту марку!.. В русском языкѣ издавна существуют слова, от которых жуть пробѣгает по кожѣ, и на головѣ слегка шевелятся волосы: — «Малюта», «дыба», «шпицрутены». — Сколькими новыми обогатило, за девятнадцать лѣтъ, наш язык ильичево черное стадо! «Соловки», «Лубянка», «угробить», «в расход» — новыя слова не только по новому, жуткому смыслу их, но и по совершенно новому оттѣнку их жуткости. Для этого «новаго» нѣтъ адекватнаго имени. Развѣ — ложь? Только и ложь тут особенная — с каким-то специфическим, странным «душком».

Что-то гнилостное, фальшивое проникает всю «совѣтскую» жизнь: все с какой-то не то сумасшедшинкой, не то мертвечинкой. Все же другое, нефальшивое, глубоко скрыто в тайниках индивидуальной души, дожидаясь своего дня. Ложью все началось («власть совѣтам!»), продолжалось («землю крестьянам»), углубилось («золотое сердце Феликса») и совершенно уже беспардонно заканчивается в наши дни («обожаемый вождь народов»). Вѣрить в современную Россію нельзя ничему и вѣрить можно всему (Бердяев). Самое дикое и невѣроятное приходится проглатывать там, как противный факт, в самом простом и естественном — сомнѣваться. На любую, нахально раскрашенную рекламу находятя охотники вѣрить; на самое очевидное, ребенку понятное, многіе скептически улыбаются. Что там: хорошо или плохо? Борьба героев или рабское пресмыкательство? Утро жизни или погруженіе в ночь? Свидѣтели и очевидцы найдутся на все. И не в том бѣда, что кто-то из них ошибается, а другим, говорящим правду, не вѣрят. Ужас в том, что и правы, и заблуждаются в сѣ, ибо все там есть, и нѣтъ ничего.

Что там подлиннаго, спорнаго?

Красная армія? Сверхмилліонная, сверхмоторизованная, полная дисциплины. Авіоны, танки, бронепоезды без числа. Тучи парашютистов и парашютисток. А рядом — «тыл», «кадры», пути сообщенія, тайныя думы широких масс. Что реальнѣе? За чѣм и за кѣм послѣднее слово? И

почему это японцы не трепещут перед этой изумительной силой, а Хитлер боится лишь в мѣру внутренних надобностей? Почему это союзники не ощущают за ея спиной особеннаго уюта? Почему это в серьез и без фальши ея побаивается, кажется, только собственное правительство?

Патриотизм? Автор «писем оттуда» свидѣтельствует: «только теперь возникло в Россіи живое ощущение родины». Такому свидѣтелю не вѣрить нельзя. Но вот огромный вопрос: есть ли связь между этим «живым ощущением» и готовность положить живот за несравненных Иосифов и «обожаемых Климов»? Гдѣ начинается одно и гдѣ кончается другое? Не в конфликтѣ ли тут «настоящая нѣжность» («тихая» по слову поэта) с назойливым барабанным босм «Извѣстій» и «Правды»? А если да, то как разрѣшится конфликт? и что нужно дѣлать, чтобы в грозный для Россіи час безошибочно оказаться с народом?

Пятилѣтковская промышленность? Грандіозно, что говорить! Гиганты! Скольких изумило и привело в восторг. Но слушасшь восторги, и тѣснится в памяти знаменитый короленьковскій анекдот — впечатлительный парень, из Чухломы попавшій неожиданно на Кавказ: «Направо посмотришь...!!», «налѣво взглянешь...!». Только Кавказ способен потрясти своими красотами и не одного чухломца, а тут... Но допустим — и тут чудеса. Почему же никто от души, по человѣчески, не позавидует обладателям этих чудес? Почему ни один современный Карамзин не воскликнет в своих «Письмах французскаго или американскаго путешественника»: Счастливые Россы?..

Главный козырь совѣтской жизни, пресловутая «радость»? Крѣпко сложенные ударники и ударницы. «Широкоскулыя дѣвушки сѣвернаго типа с гладкими волосами». «Совѣтскіе ребята — здоровые, зубастые, крѣпкіе». Рабочіе, восторженно воющіе по заводам: «давай, давай, давай!»... Уже в этом перечнѣ проступает смѣсь фальшиваго с подлинным, цѣннаго с пошло-рекламным. Но все же — и подлинное. Радуются, конечно. Молодые, здоровые, да еще русскіе, да еще (что грѣха таить?) морально огрубѣвшіе — как не радоваться? Радовались и у Достоев-



скаго в «Мертвом домѣ»: «Всюду жизнь» — картинка извѣстная. Помню сам гоготанье за чехардой на обших тюремных прогулках в царское время, заливчатскіе хоры и пляску в грязной, до отказа переполненной каторжной пересылкѣ в Иркутскѣ. Помню радости и совѣтскаго уже строя — в самый разгар «военнаго коммунизма», в годы, о которых никто не вспомнит теперь без ужаса, в обстановкѣ не умѣстившихся еще в быт и больно ранивших душу жестокостей, при пустом или наполненном пшенкой желудкѣ: восторженное потрошеніе академическаго пайка, дружескія посидѣлки за героически добытым самогоном, да и «трудовые воскресники»: чистый, морозный воздух, взлетающій под лонатами свѣг... с цѣлыми ворохами не отмѣненной еще тогда (да и не отмѣнимой вообще) «черемухи». Но ясно помню и то, как над буйной радостью молодых звѣрей неустанно шевелилось тогда что-то жгучее, пыло непрерывно, как плохо заговоренный зуб... Знаем — и у них ноет. Глуше, сокровеннѣе («заговорено» крѣпче), но и напряженнѣе. Эта тайная, в отдѣльных случаях и для себя самого, боль должна мѣшать животной совѣтской радости превращаться в человѣческую — свѣтлокрылую, широкодальную, напоенную дыханьем свободы. Многим, и немолодым, — усталым, измученным, — видится радость, но и эта радость, как все только снящееся, отравлена непрерывным шорохом яви...

Зловѣщая, «красно-коричневая» аура. «Такую ауру имѣют, вѣроятно, люди послѣ совершенія преступленія» (Бердяев)... Если мы не погибли, если Россія воскреснет, — измѣнится прежде всего ся аура. Такую ауру, какую она будет имѣть, имѣют, вѣроятно, вѣрующіе в день причастія, герои послѣ совершенія подвига, всѣ вообще послѣ смятенія обрѣтшіе душевный покой... Свѣтлая, примиренная совѣсть народа, омытый покаяніем и отброшенный грѣхъ — это, а не «совѣтская жизнь, как она дана» (Степун), будь в тысячу раз совершеннѣе ея матеріальныя и социальна-политическія достиженія, есть «пригодная база» хотя бы и для перваго только, «гуманитарнаго этажа Новаго Града».

Откуда же придет эта просвѣтленная совѣсть? Ждать ея — не чуда ли ждать? А на вѣрѣ в чудо какую активность построит политик? Не до чудес и гражданину-патриоту, ничего вообще не желающему и не могущему «ждать»... Да, может быть, и благодатное чудо. Чудо вполне совмѣстимо с активностью: вся историческая активность человечества была и является, если угодно — сплошным чудом. Но не о чудесах сейчас разговор. Не в порядкѣ «высоких матерій» подняли мы вопрос о просвѣтленіи совѣсти. Есть в нем конкретное, доступное пяти чувствам, — не менѣе конкретное, чѣм любая «націоналізація ключевых производств». Конкретное это — вопрос о «кадрах», вопрос о том, кѣм спасена будет Россія из политическаго тупика, кто выведет ее на широкую столбовую дорогу. И даже еще конкретнѣе: удастся или не удастся послѣдышам и моральным наслѣдникам ленинизма, лестью горшей, чѣм все предыдущее, еще раз, в послѣдній уже, обмануть Россію, сойдя перед ней за ея спасителей и вѣрных сынов? Не все к этому вопросу сводится, но отвѣтом на него предрѣшается все. «Чьими руками будет твориться в Россіи новое дѣло?» (Степун). Чьими в точности — не дано пока знать. Но мы теперь уже обязаны знать: не руками тѣх, кто во имя своих идей рѣшился вздернуть Россію на дыбу и занести над ея грудью кинжал убійцы. Никакими ухищреніями, никакими маскарадами и мимикріей им признанными народом правителями не стать, роли скромнѣйших хотя бы участников спасенія Россіи не сыграть. Россія и «они» — два исключают друг друга міра. В предѣльном по ужасу случаѣ «их» мір восторжествовать мог бы лишь над духовно умершей Россіей.

Есть вещи, которых не прощают, не умерщвляя себя морально, с которыми не примиряются, не угасив свою совѣсть. Не прощают убійцам матери, оскорбителям чести семьи; не протягивают руку іудам. Нѣтъ прощенія и посягнувшим на душу Россіи, дерзнувшим увидѣть в Россіи лабораторнаго кролика — ни им самим, ни их пріемышам и продолжателям, в какія бы новыя краски они ни пере-

крашивались. Дерзая, знали, что дѣлают, — открыто брали «кровь Ея» на себя и дѣтей, и нѣтъ уже теперь в мірѣ силы, которая могла бы разрѣшить их от этой, свободно избранной клятвы. Кошунственное послышалось мнѣ в надеждах Степуна, что «новая, поднимающаяся из глубин русскаго народа вѣра не снесет большевицких голов», уже в самом вопросѣ — «снесет ли?» Снесет! и сомнѣнья не может быть! Снесет, конечно, не в физическом смыслѣ — мести, кровавой расправы. О мести в «тот» миг забудут, прежде всего, а если вспомнят, то тут же опомнятся. Это месть предполагает непрощеніе. Непрощеніе же мести не предполагает: не простить, значит не примириться, и все; остальное в непрощеніи — постороннее, идущее из других источников, тѣх как раз, которые в момент «пробужденія» должны оказаться изсякшими. Ибо каждому откроется тогда собственная вина: всѣ мы (народ) виноваты; это народ захотѣл, это народ допустил. Кто тогда посмѣет — интеллигент, рабочий, революціонер, ретроград, христіанин, атеист — кто посмѣет бросить камнем в виновнаго, а про себя сказать: «чист»? Кто, кому будет мстить? Тѣм же, кто этого не поймет, непременно придет на помощь наука, великій утѣшитель людей в моральных конфликтах. Эта всѣх, наоборот, обѣлит, ибо все, согласно природѣ своей, объяснит и подведет под непреложный «закон»: не понявшим поможет не мстить «соціальная физика», и тогда самые заядлые «метафизики», в первый раз дружелюбно ей за то улыбнутся... Нѣтъ, только не злоба вяжется с великой «секундой». Пасхальный благовѣст скорѣе, радостное «обымем друг друга!»...

Но что же, если не месть? Межа — устраняющій сомнѣнія, четкій водораздѣл: «Вот, что было и чему не бывать! Вот, что будет, не может не стать!».

Запомним: от нынѣшней смерти к воскресенію нѣтъ для Россіи сплошнаго пути. Путь разрывается скачком через бездну, мигом рожденія совѣсти, разрѣшенной от клятвы... Как назвать?.. Національная революція?.. Не годится: слишком захватано нечистой рукой. Да

и какая же революція? Революція, это — прошлос, гдѣ совершался распад, гдѣ устремлялась кверху подземная лава. Здѣсь обратное: собираніе, преодоленіе темных подземных сил. Революція, это — «судорогой страсти искаженная маска» (Федотов). А здѣсь — возстановленіе челоуѣческаго лица, воля народа, проснувшаяся от летаргіи. Вот в чем «сносеніе большевицких голов»! «Возстановителями церковных оград» (Степуи) не могут быть «перемѣнившіе взгляды, большевицкіе мальчики: ими могут стать только маленькіе Павлы, побывавшіе, вмѣстѣ с Россіей, на дорогѣ в Дамаск, люди новаго озаренія, умертвившіе Савлов и «обезглавившіе» большевиков, ибо сами — обезглавленные большевики. Здѣсь конечный разрыв с революціей — не с тѣм, что через голову ея было создано за это время русским народом, а с ней самой — с собственной ея стихіей злобы и лжи. С этого разрыва должно начаться. Полновольное «нѣтъ» дѣяніям Октября — первый, рѣшающій, шаг ко всероссійскому воскресенію: ни СССР, ни краснаго знамени, ни интернаціонала! Что там еще за «Ленинград»? Что за «улица Клары Цеткин»? Вчера еще призрачно-реальное, сегодня былѣм поросло. Как болотная мгла, испарился недобрый сон...

Имя врагу лезть и ложь: проникнемся правдой без страха и лести! Ложь убьем, — погаснет зловѣщая, кроваво-коричневая аура. И всего добьемся тогда. Все доступное челоуѣку удастся. Творческія силы Россіи безграничны: Новый Град наш во истину будет и «новым» (твореніем нашим) и «Градом» (твореніем Божиим). А не убьем ложь, пронесем через грань смертоносный яд, — ничего тогда не удастся, ни из чего ничего не выйдет: прекраснѣйшіе замыслы, как живое в тѣни Анчара, будут вянуть и стыть...

Много униженій пало на долю Россіи. Через многія паденія она прошла. Послѣдняго, без сравненія горшаго всѣх, — быть «спасенной» собственными, во время подобрѣвшими, малютами, отдаться волей под руку вернувшимся сребреники іудам — ей пережить не дано. Ибо, стинуть

ли ей тогда физически, под песками пустыни, сгнить ли навозом для «чистых» арийских рас, расцвѣсть ли, наоборот, всѣх перегнавшей, доселѣ невиданной, сверх-американской цивилизаціей, — смерть все равно: Россіи не будет; от Россіи останется имя, великое прошлое да, может быть, «великія» же, но безсильныя и ненужныя больше историческія претензіи.

Там же, и так же, находит свое разрѣшеніе не теряющая доселѣ своей остроты проблема «пореволуціонности». Пореволуціонное, это не то, что (с такими-то поправками на націонализм и свободу) «принимает положительныя завосванія Октября» и его продолжает: к этому сведенное, пореволуціонное ничѣм кромѣ фразеологіи не отличалось бы от революціоннаго. У подлинно пореволуціоннаго «аура» иная — вот существо различія. В пореволуціонной аурѣ эманация примиренной совѣсти, отпущеннаго грѣха против Духа Святаго, услышанной молитвы к Нему: «Прииди и вселися!»...

Вопрос о пріятіи, и каких именно, измѣненій, вошедших за період революціи в нашу общественную и культурную жизнь — огромный и важный вопрос, но при всей огромности своей — вопрос второй. Первым остается вопрос об аурѣ — какой ей быть, прежней ли — кроваво-коричневой, революціонной, новой ли — осіянной побѣдами духа, пореволуціонной. Не во «вростаніи в революцію» и не в «выростаніи» из нея состоит пореволуціонность, а в разставаніи с ней, в исцѣленности от ся черных чар. Ни отдѣльныя «достиженія революціи», ни вся совокупность их, сами не рѣшают еще проблемы Россіи в сторону жизни. Как бы ни был велик соціальный их вѣс, им одним поникшей души Россіи не вознести. Она воспрянет сама — напряженіем просвѣтленной воли. Новая, преображенная воля и есть пореволуціонная Россія. Остальное приложится...

**Ив. Херасков.**